

— По крайней мере, главный герой-атакующий верен главному герою-принимающему, любовная линия осталась прежней.

Система 888, паря в воздухе, наблюдала за сценой в гостиной и пыталась утешить саму себя. Цинь Юань не стал разрушать её иллюзии и спустился вниз.

Трогательная картина была нарушена. Отец Цинь тяжело ударил по столу:

— Во что ты вырядился? Неужели не знаешь, что у нас гости? На кого ты похож!

Цинь Юань одернул брюки, забыв, что их нужно было переодеть:

— Мне не нравится белая одежда. А у меня в шкафу только белое.

Лишь Цинь Жун любил изо дня в день носить белое.

— Брат, я слышал от дворецкого, что ты постоянно подглядываешь за мной. Я думал, тебе нравится мой стиль одежды, поэтому и посоветовал его дворецкому Линю.

Цинь Минчуань с нескрываемым раздражением посмотрел на своего родного младшего брата:

— Ты же столько лет прожил в трущобах и ко всему привык, а теперь начал воротить нос? Знаешь, сколько учителей ты разогнал в последнее время? Ты позоришь репутацию семьи Цинь!

— Минчуань, — перебила его Фан Хаймэй, пристально разглядывая своего родного сына. — Послезавтра мы устраиваем банкет. Скоро пришлют одежду. Твой отец просто очень хочет, чтобы ты стал достойным человеком. Слушайся нас.

Цинь Жун с недоверием посмотрел на мать. Ведь отец и мать вовсе не собирались представлять Цинь Юаня общественности. Почему? Почему они внезапно изменили решение?

Цинь Минчуань нахмурился, тоже не понимая намерений матери.

Фан Хаймэй сжала кулаки, её взгляд стал решительным. Во время послеобеденного чая госпожа Сюй внезапно завела разговор:

— Слышала, госпожа Цинь, вы устраиваете банкет в честь найденного младшего сына? Обязательно пришлите мне приглашение.

Сидевшие рядом дамы прикрыли рты, сдерживая смех. Настоящий сын, которого нашла семья Цинь... просто посмешище.

Фан Хаймэй изо всех сил сжала пальцы, чувствуя, как ногти впиваются в кожу, и натянуто

улыбнулась:

— Нет, что вы. Ребенок только вернулся, мы боимся, что такая большая сцена его напугает, да и не хочется ударить в грязь лицом перед гостями.

Раньше на таких собраниях она всегда была объектом зависти: любящий муж, выдающийся старший сын, прекрасный младший и будущий зять — наследник семьи Хо. Теперь же каждый раз неизбежно всплывала тема этого младшего сына, который приносил ей лишь неловкость. И эта госпожа Сюй, всего лишь выскочка из столицы, приехала на её территорию, чтобы унижить её? Неужели она думает, что об неё можно вытирать ноги?

— А я вот слышала от других дам, что вы всё спланировали еще месяц назад и даже записали ребенка на кучу курсов, — не унималась госпожа Сюй.

— Ой, ну ребенок рано или поздно должен выйти в свет, будем учить его постепенно, — подхватили остальные, недоброжелательно посмеиваясь. Им не терпелось увидеть, как Фан Хаймэй опозорится.

— Бедняжка, вырос в трущобах, вырос таким... — одна из дам многозначительно взглянула на соседку и усмехнулась: — Впрочем, это объяснимо.

— Да, Хаймэй, это же родной ребенок, представьте его официально, пусть он почувствует себя спокойно, — искренне добавила другая дама. Она не видела ничего плохого в том, что ребенок не вышел талантом, подумаешь — плохой характер или воспитание, у кого в семьях нет парочки бездельников, которые только и умеют, что волочиться за девушками да наживать неприятности?

Но Фан Хаймэй видела всё иначе. Она чувствовала, что они намеренно хотят унижить её, выставить на посмеище. Для неё, всегда стоявшей на вершине и отличавшейся невероятной гордостью, это было невыносимо.

Под давлением окружающих Фан Хаймэй запомнила всех, кто подстрекал остальных, и с трудом выдавила:

— Хорошо. Послезавтра жду всех в особняке Цинь.

Впервые в жизни ей пришлось проглотить обиду. Она даже не догадывалась, сколько раз её родной ребенок, подрабатывая, чтобы выплатить долги приемных родителей, был вынужден терпеть унижения и смотреть на людей снизу вверх. Она не удосужилась узнать об этом, да и не хотела. Родство по крови стало её первородным грехом, и отвращение к этому ребенку никогда не было таким отчетливым, как сейчас.

Фан Хаймэй смотрела на его изящное лицо, на котором постепенно проступали резкие черты, свойственные семье Цинь, на эти темные, влажные персиковые глаза, но больше не чувствовала ничего. Этот ребенок покинул её при рождении, а вернувшись, принес лишь бесконечный позор и унижения.

Почему он вернулся? У меня ведь уже есть прекрасный, послушный ребенок...

Она закрыла глаза, а когда открыла, приняла решение:

— Мама представит тебя всем. Ты должен хорошо подготовиться, не разочаруй меня, хорошо?

Всегда найдется какая-нибудь капризная наследница или избалованный богач, кому приглянется такая внешность. А если нет — пусть будет просто украшением. А потом... пусть покинет дом Цинь и навсегда исчезнет из её глаз, забрав с собой эти постыдные воспоминания.

Цинь Юань замер на месте. Фан Хаймэй никогда раньше не смотрела на него с такой нежностью — это был взгляд, предназначенный исключительно для Цинь Жуна. Даже с Цинь Минчуанем она общалась скорее по-деловому. Но сейчас эта нежность досталась и ему. Юноша, словно ведомый материнской лаской, невольно шагнул вперед. Неужели это и есть мамина нежность?..

На лице Фан Хаймэй по-прежнему застыла странная улыбка. Она подошла и взяла юношу за руку. Грубая кожа обожгла её ладонь. Это были руки человека, который много работал: слой мозолей, натертых от посуды, кирпичей, от всего на свете. У подростка не могло быть другой работы. На мгновение она дрогнула: как её собственная кровь могла пройти через такие испытания? Но в следующую секунду в её глазах вновь отразилась холодность высшего общества. Руки её сына должны держать авторучку, нажимать на клавиши пианино, но никак не быть грубыми руками рабочего! Это удел бедняков...

— Возвращайся в свою комнату.

В глазах юноши разлилось тепло:

— Хорошо, мама.

Система 888 летала вокруг него, тоже пребывая в шоке:

— Что ты делаешь? Почему она вдруг стала так добра к тебе?

Цинь Юань коснулся рукой, покрытой мозолями, своей груди. Тепло еще оставалось там, но оно было настолько призрачным, что удержать его было невозможно. Он протянул руку и схватил светящийся шар:

— Даже таким пухляшам, как ты, достается подобное отношение.

888 забилась:

— Ты хочешь сказать, что я милая? Нет, ты хочешь сказать, что ты милый?

— О, ты действительно очень милая.

— Подхалимство не поможет!

— Летит маленькая свинка-летяга!

— Отвали, сам ты свинья!

— Ты, ты, я съем маленькую ароматную свинку.

— Ты больной, что ли...

Фан Хаймэй проводила его взглядом и велела Цинь Жуну:

— Жун-жун, проводи Сыюя. Нам с отцом и братом нужно обсудить кое-что.

— Хорошо, мама.

Цинь Жун ответил, в его голосе прозвучало нечто невнятное, чего никто из семьи Цинь не заметил. Он проводил Хо Сыюя до выхода, обогнул центральный фонтан и, больше не в силах сдерживаться, уткнулся ему в грудь.

— Брат Хо, что мне делать? Мама вдруг стала такой ласковой с братом. Неужели... неужели брат — её настоящий сын, и она больше не хочет меня знать? Послезавтра она представит его всем как настоящего младшего господина Цинь. Может, мне не стоит здесь оставаться?

Хо Сыюй посмотрел на его заплаканное лицо, но не придавал значения его словам. Эта внезапная близость означала лишь окончательный отказ от Цинь Юаня — всё шло как надо, Цинь Жун оставался младшим господином семьи Цинь.

Но Цинь Жун отчаянно нуждался в поддержке. Если он лишится статуса младшего господина Цинь, что у него останется? Как он поддержит образ талантливого юного пианиста, сияющего в глазах фанатов? Быть таким, как Цинь Юань — талантливым пианистом в дешевой одежде, живущим в трущобах? Нет! Он не хочет!

— Брат Хо, скажи мне, что делать? Я не хочу терять папу и маму, я не хочу терять тебя! Помоги мне, используй свои способности, свое положение... помоги мне.

— Хорошо, — Хо Сыюй вытер слезы с его лица. — Я поговорю с дядей и тетей. Я обязательно решу эту проблему. Не плачь, Жун-жун.

Цинь Жун почувствовал, как на душе стало спокойнее. Проводив Хо Сыюя, он остался в тревоге.

— Жун-жун! — голос, приглушенный и искаженный, донесся из-за стены.

Цинь Жун пошел на зов и, увидев женщину за стеной, похолодел. На его лице проступил гнев:

— Ты с ума сошла! Зачем ты сюда пришла?!

— Ты не отвечал на звонки. Я слышала, что семья Цинь устраивает банкет для этого настоящего наследника. Что же ты будешь делать, мой Жун-жун?

— Это не твое дело! Даже если они представят её всем, я все равно останусь самым любимым сыном мамы.

— Мамы? — женщина зловеще рассмеялась. Её привлекательное лицо перекликалось с яркими красными цветами, вьющимися по стене. — Я — твоя настоящая мама!

— Заткнись! — шикнул он. Цинь Жун почти никогда не терял самообладания на людях, но эта женщина легко выводила его из себя.

— Если ты так уверен, зачем просишь молодого господина Хо помочь тебе? Не зря ты мой сын, стоит поплакать, и мужчина уже готов тебя жалеть.

Женщина попыталась коснуться его волос, но он с отвращением отпрянул.

— Впрочем, я же говорила тебе, что нужно было избавиться от этой помехи раньше, тогда она не угрожала бы тебе. Семья Цинь слишком тебя разбаловала, от твоих слез нет никакого толка. — В глазах женщины сверкнула жестокость. — Давай мама поможет тебе.

Цинь Жун промолчал. Он колебался. Он верил, что Хо Сыюй сможет убедить родителей, но это не решало проблему в корне. Пока Цинь Юань был здесь, он всегда напоминал всем, что он — настоящий сын, а Жун — лишь фальшивка.

Женщина продолжала:

— Какой же ты плохой мальчик, даже решения приходится принимать за тебя.

Под переплетением зеленых и красных лиан звуки голосов постепенно затихли...

<http://bllate.org/book/21339/2165450>